

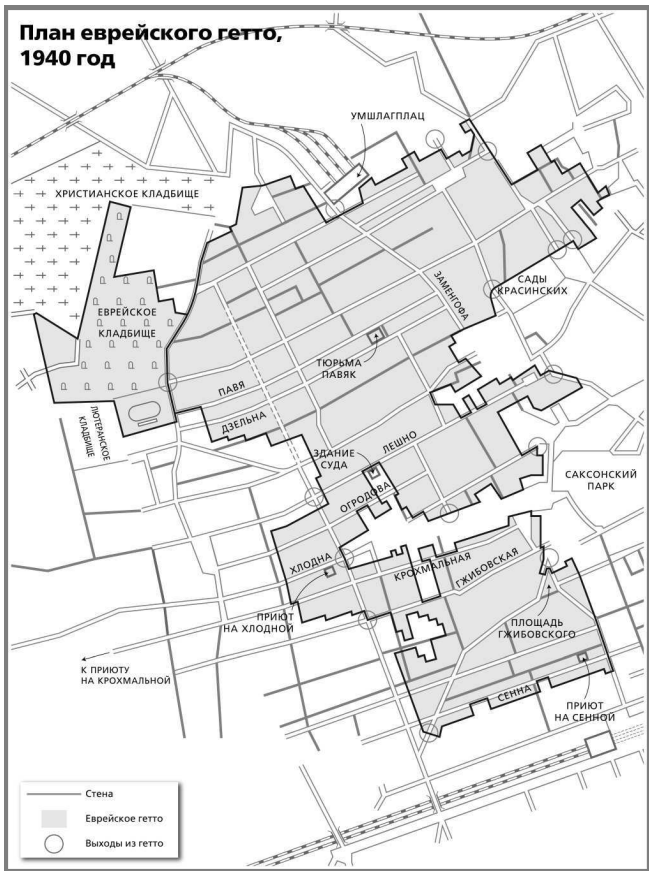

*«Вы никогда не оставите своего ребенка один на
один с болезнью и мраком,
вот и я не могу оставить детей
в такое время, как сейчас»*

Януш Корчак

План еврейского гетто, 1940 год

Глава 1

*Варшава,
17 января 1945 года*

До рассвета оставалось часа два. Миша стоял на берегу Вислы и смотрел вдаль, туда, где за скованной льдом рекой раскинулась Варшава. В руке его лежала маленькая, не больше ладони, фотография Софии. Миша обрезал края карточки, и теперь, когда смотрел на фото, лицо девушки казалось ему совсем близким, почти настоящим.

Две крошечные дырочки у нее на плечах — следы от кнопок. В каких бы казармах ему ни приходилось жить, везде он прикреплял фотографию над кроватью, как верующий — икону. Сейчас в сумерках прозрачные глаза Софии казались серьезными, даже испуганными. И без фотографии он хранил в памяти ее образ: светлые волосы зачесаны назад, красивое, тонкое, даже худое, лицо. Два года не касался теплых щек, не целовал губы, не вдыхал слабый аромат миндаля, исходящий от ее кожи. Безжалостный порыв ледяного ветра, казалось, усилил боль разлуки, телесную тоску по любимой. Миша поднял воротник, спрятал фотографию в холщовый кошелек, похлопал себя по застывшим от холода плечам.

— Эй, Миша, иди к нам, прими что-нибудь для сугреву.

Невдалеке у реки виднелись темные фигуры. Русские солдаты в толстых зимних шинелях ели консервы прямо из металлических банок, разговаривали, громко хохотали, выпуская изо ртов облака морозного пара. Кто-то протянул Мише бутылку, он подошел и отхлебнул. Гул орудий стих, но в воздухе до сих пор пахло гарью, клубы дыма медленно плыли из-за реки. Настроение у русских было хорошее, они расслабились, отпускали шутки, гадая, кому же сегодня вечером выпадет счастье танцевать с толстухой Ириной. Ирина, женщина с широким лицом, мощным телом и большой грудью, которой было тесно в военной форме, усмехалась в темноте, зачерпывая из банки рагу из фасоли.

— Размечтались! Даже не вздумайте приглашать! — фыркнула она, перекидывая шинель через плечо. — Тоже мне кавалеры нашлись. Все вы мелюзга, слабаки. Вот если Миша пригласит, я не откажусь.

Она взглянула на него, глаза ее жадно блеснули. Миша привык к тому, что нравится женщинам, что порой, стараясь привлечь его внимание, они ведут себя весьма эксцентрично. Его глазам цвета темного янтаря с зелеными крапинками позавидовала бы любая девушка — так, по крайней мере, однажды сказала София. Рослый, стройный, в высоких сапогах и галифе, оставшихся от польской военной формы, он выглядел несколько старомодно и даже, пожалуй, слишком аристократично, но его добродушие, незлобный юмор, открытость располагали к нему людей. И хотя он был поляк, вернее, польский еврей, русские быстро стали считать его своим.

Ирина зычно расхохоталась, а Миша опустил глаза. Боже упаси, лучше держаться от нее подальше. Ходили слухи, будто ее последний любовник погиб вовсе не от немецкой пули. Ирина устроила ему сцену ревности и в бешенстве застрелила.

— Если вдруг встретите кого-нибудь из приятелей Гитлера, передайте от меня пламенный привет. — И она шлепнула по своей кобуре.

Освободители Варшавы, добрые и великодушные, дружески хлопали Мишу по спине.

Он служил в разведывательной группе Первой польской армии, которая воевала под командованием русских. И всегда в числе первых оказывался на вражеской территории, чтобы найти безопасный проход для танков, обнаружить, где засели остатки немецких войск. Сегодня его маленький отряд должен первым войти в Варшаву. В город, где он не был три года.

Сквозь рваные облака на черном небе проглядывала серебристая луна, в ее металлическом свете у заснеженной реки виднелась колонна из четырех «Виллисов». За рулем первого в меховой шапке с опущенными «ушами» сидел Франек, Мишин водитель, который к тому же сам себя назначил гидом и консультантом.

— Поторопись, а то превратимся в ледышки! — крикнул он. — Нужно перебраться, пока не рассвело!

Над Варшавой все еще лежала ночная тьма, но вдалеке на горизонте уже показалась бледная полоска зари. У разведгруппы было задание выяснить обстановку в городе и до рассвета, когда польская пехота начнет переходить реку, передать сообщение по радию.

Миша скользнул на сиденье рядом с Франеком и закрыл дверцу, однако холод продолжал задувать во все щели, от порывов ветра джип раскачивался. Миша достал пистолет из кобуры. Впереди расстилалась длинная извилистая река, ее заснеженная равнина была светлее клочковатых облаков в небе.

От дыхания кабина наполнилась паром, все вокруг словно заволочло туманом. Выехав на занесенную снегом реку, Франек всем телом подался вперед. Напрягся и Миша, но за ползимы вода застыла намертво, лед выдержал. Приглушив звук мотора, не включая фар, будто четыре темных призрака, машины скользили по льду, мотаясь из стороны в сторону, медленно двигаясь по изрытой поверхности реки.

В зыбком, призрачном свете под снежным покровом угадывались очертания сгоревших грузовиков, окоченевших трупов лошадей, каких-то обломков, отбрасывающих длинные тени. Справа возвышался разрушенный мост Понятовского, его искореженные балки уродливо торчали надо льдом.

— Даже не верится, — сказал Миша. — Мы первыми вступим в Варшаву, чтобы ее освободить. Возвращаемся домой.

— «Освободить»? А может, «отдать русским»? Они отсиживались полгода на том берегу, наращивали, видите ли, силы, дожидаясь, пока немцы разгромят польское сопротивление, а теперь, когда вермахт и сам драпает со всех ног, они тут как тут? Это же продуманный план оккупации в чистом виде.

— Ничего нового о твоих братьях?

Франек помотал головой.

— Мне очень жаль, — сказал Миша.

Через службу разведки Франеку удалось узнать, что один из его братьев погиб в Варшавском восстании. Другой был убит во время неудачной операции, через несколько недель после того, как советские войска подошли к Варшаве. Тогда польская армия неожиданно, без ведома русских, попыталась перейти Вислу, чтобы помочь восставшим. Попытка не удалась, потери были огромны. Сотни погибших солдат Первой польской армии остались лежать подо льдом замерзшей реки. Русские были в бешенстве. Они отстранили польского генерала, командовавшего армией, и заменили его более покладистым.

Внезапно джип провалился в глубокую рытвину, ударившись дном о лед. Потеряв равновесие, свободной рукой Миша ухватился за приборную панель. Темные призраки позади затормозили. Франек крутанул руль и, снова оказавшись на ровной поверхности, осторожно объехал яму. Миша посмотрел назад. Остальные машины следовали за ними. Он с трудом оторвал руку от холодного металла и потер замерзшие щеки. Ему казалось, что с берега вот-вот раздастся короткий выстрел, и от этого ожидания по спине бегали мурашки.

Они уже миновали середину реки. Сколько раз, возвращаясь по Висле в Варшаву, Миша видел знакомый силуэт города, раскинувшегося между небом и широкой рекой, элегантные шпили и башни костелов, величественную дворцовую крепость. Казалось, так будет всегда.

Но все исчезло без следа. Посмотрев в бинокль на приближающийся берег и плацдарм справа, в тусклом свете он увидел лишь пустые пространства

и руины. Дым медленно поднимался в грязное небо. Он перевел бинокль на разрушенный мост.

— Франек, остановись. Вижу часового.

Франек резко затормозил. Сзади раздался визг тормозов следующего за ними джипа.

Миша передал водителю бинокль и указал на красно-белую будку на берегу.

— Если он выстрелит, нам и укрыться негде, мы как на ладони.

— Не двигается. Вряд ли он нас заметил.

Франек открыл окно, щелкнул затвором, прицелился и выстрелил. Звук выстрела разнесся далеко по равнине.

— Вот черт, не попал.

Опасаясь ответного огня, Франек торопливо перезарядил пистолет и выстрелил еще раз. Часовой дернулся, брызги разорвавшейся плоти разлетелись в разные стороны, но человек так и остался стоять, прислонившись к деревянной будке.

Миша снова взял бинокль.

— У него снег на плечах.

— Бог мой, он же замерз на посту.

Осторожно подъехав к берегу, Франек остановился у будки. Забресжил рассвет, при свете зари серое лицо мертвеца на фоне белого снега казалось особенно жутким. Его шлем и меховой воротник заиндевели. Внутри будки второй часовой с винтовкой через плечо валялся, будто сбитая кегля.

— Варшаву охраняют мертвецы, — произнес Франек.

Маленькая колонна джипов поднялась по стапелю между разрушенных опор моста. Наверху Франек заглушил мотор.

То, что они увидели, не поддавалось описанию. В полумраке морозного утра перед ними расстилались длинные, уходящие в багровое небо улицы без домов, бесконечные мили руин и завалов, покрытых снегом. Ни одного целого здания, дымоходы торчали, будто сломанные деревья. Кое-где на фоне белого снега чернели остатки разрушенных стен с оконными проемами. Разведчики напряженно прислушивались, не раздастся ли щелчок пистолета — за ними вполне мог следить одинокий снайпер. Однако вокруг стояла глубокая тишина, даже стылый воздух казался мертвым.

— Куда теперь? — спросил Франек.

Миша покачал головой:

— Вперед, туда, где была Иерусалимская.

Они медленно поехали по узкой дороге между грудями кирпича и щебня, задевая обломки одним колесом, от чего машина тряслась. Когда-то здесь был торговый район, работали главные магазины и конторы, теперь на их месте остались лишь руины и завалы из кирпичей и пыли. Снег запорошил их, и почерневшие куски стен выглядели как памятники на зимнем кладбище. Вокруг не было ни души. Казалось, прошла тысяча лет, и уже невозможно представить те времена, когда элегантные покупатели и бизнесмены разъезжали по этой улице на красных трамваях и в блестящих автомобилях.

На углу Иерусалимской они остановились, чтобы взглянуть на главную улицу. Маршалковская — еще одна уходящая вдаль улица без домов. От зданий остались лишь горы обломков, сохранившаяся кое-где после пожаров кирпичная кладка была черной от копоти. Франек вновь заглушил мотор. Миша на-